

Среда, 4 августа 1904 г.

Условія владиски съ достъпу, в каросамъ, горюскаму в
матородимъ болескымъ:

28 м.—9 р. 11 м.—8 р. 50 к. 10 м.—8 р. 9 м.—7 р.
25 к. 8 м.—6 р. 50 к. 7 м.—6 р. 75 к. 6 м.—5 р. 8 м.—
4 р. 25 к. 4 м.—3 р. 50 к. 3 м.—2 р. 75 к. 2 м.—2 р.
1 м.—1 р.

На моремылу загран. елим, дорбавоч. 60 з. а жымъсчн

Подписна приемается съ каждаго 1-го числа.

За верный адрес указывается 25 л

В обязанности: 1-й строку, заканчивающую полнотом на 1-й странице, 20 к., на 4-й странице—10 к.

При многократн. печатаніи — СКИДКА ПО СОГЛАСІЕНІЮ.

Во разсч. приложений яря газотъ—8 р. отъ каждой тысячѣ.

Служба доктора помещается в Ростове на Дону, на Вол.

Садовой улицѣ, въ собств. домѣ

Котора отворита ежичковно отъ 8 час. утра до 8 ч. по-

русские и празднич. дни от

№ 206. Говъ четырнадцатый. № 206.

ПРИАЗОВСКИЙ КРАЙ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ

Среда, 4 августа 1904 г.

Presented pursuant to notice to Parties in Court, on Motion

Самоее ямск. въ. собола. 1793.

Российский лесной институт. 1975. 12. 20. 2. 4. 1975

STATE OF NEW YORK
IN SENATE
January 12, 1911.

ЧЕХОВСКИЙ МИРЪ.

II.

Богатство чеховских типовъ.

Кто то называлъ однажды въ печати А. П. Чехова «расточителемъ». Тутъ имѣлось въ виду то обстоятельство, что тема каждаго маленькаго произведенія Чехова въ рукахъ болѣе «разсчитливаго» писателя могла бы быть разработаною на цѣлый романъ или, по крайней мѣрѣ, значительную повѣсть. Въ нашей литературѣ немало примѣровъ такой «разсчитливости»: «нападетъ человекъ на тему, которой и всей то грошъ цѣна, уловить въ жизни черточки одного-двухъ типовъ, и затѣмъ носится съ этимъ скроиннымъ багажемъ до тѣхъ поръ, пока надобѣсть до тошноты читателю. Чеховъ въ этомъ смыслѣ дѣйствительно былъ поразительно расточителенъ. Въ его маленькихъ книжечкахъ собрано нѣсколько сотъ произведений, въ каждомъ изъ которыхъ имѣется богатая тема, могшая дать иному «литературнику» дѣла мастеру» цѣлый капигаль. Но такъ какъ Чеховъ былъ не «мастеръ», а художникъ, то онъ и тратилъ свои богатства щедрою рукою, используя самую широкія темы въ видѣ небольшихъ разсказиковъ и—въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ—небольшихъ повѣстей и драматическихъ произведений. Помимо всего прочаго, такая «щедрость» свидѣтельствуетъ о необычайно богатомъ запасѣ наблюдений надъ жизнью, ея драмами, ея типами,—запасомъ, который постоянно пополнялся художникомъ сознательно и безсознательно.

Богатство наблюдений Чехова поражаетъ и со стороны разнообразія и многочисленности типовъ, которые отразились въ его произведеніяхъ. Кого-кого здѣсь только нѣтъ! Городъ, село и захолустный хуторъ, фабрика, канцелярія, пристань, трактиръ, салонъ, міръ писателей, художниковъ, музыкантовъ, рынокъ, баня, учебнаго заведения, аптека, врачбный міръ, судъ, дачная жизнь, лавка, участокъ, міръ охотниковъ, сцена, земское и городское самоуправленія, почта, гостини-

ца, желѣзнодорожная станція, кладбище, дворницкая, цирюльня, банки, департаменты, уѣздное чиновничество, желѣзнодорожный поѣздъ, міръ духовенства, маскарадъ, клубы, дѣтская, кухня, гостиная, кабинетъ дѣтского человѣка, городское мѣщанство, армія, міръ репетиторовъ и «дающихъ уроки», міръ нищихъ, храмъ науки, шикарные рестораны, дорожные обозы, тюрьма и каторга, ремесленная мастерская, сумасшедшій домъ, земская больница, помѣщичья усадьба, деревенская изба, домъ сельскаго купца, монастырь, лѣсная сторожка, бойня, «пансіоны безъ древнихъ языковъ», міръ странниковъ и всякихъ бродягъ и т. д. и т. п.—Всѣ эти уголки нашей жизни нашли отраженіе въ произведеніяхъ талантливаго писателя. Чеховъ не былъ «пѣвцомъ дворянства», народникомъ, изобразителемъ жизни буржуазіи и т. д., а отразилъ въ своихъ разсказахъ, повѣстяхъ и драматическихъ произведеніяхъ буквально всю русскую жизнь во всѣхъ ея частяхъ, формахъ и осложненіяхъ. Представители всѣхъ слоевъ нашей жизни, нашего общества, представители всѣхъ общественныхъ положеній, самые разнообразныя типы, являющіеся продуктомъ жизненнаго строя, жизненной борьбы, жизненныхъ настроеній,—переполняютъ маленькія книжечки даровитаго лѣтописца русской жизни. Намъ, какъ слишкомъ близкимъ къ тому міру, который изображаетъ Чеховъ, пока еще трудно вполне оцѣнить все неисчерпаемое богатство чеховскихъ типовъ, трудно вполне уяснить себѣ, какое безцѣнное сокровище оставилъ намъ Чеховъ, какой безподобный по богатству матеріалъ даетъ онъ для изученія нашей жизни. Нужно немного отойти въ сторону, стать въ положеніе иностранца, желающаго ознакомиться съ нашею жизнью, съ ея типами, чтобы вполне понять все значеніе Чехова, какъ отражателя нашей жизни, какъ изобразителя господствующихъ въ ней типовъ,—чтобы въ должной мѣрѣ оцѣнить богатство чеховскаго міра.

Еще недавно извѣстный наблюдатель англійской жизни, г. Діонео,

(корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей»), передавалъ поразительные въ указанномъ отношеніи факты. Чеховъ сталъ извѣстенъ англійской публикѣ очень недавно. Всего годъ назадъ вышелъ въ англійскомъ переводѣ сборникъ его разсказовъ, а мѣсяцъ назадъ появился второй такой же сборникъ. И англичане были не только поражены талантомъ покойнаго писателя, но еще больше были увлечены содержаніемъ его произведений, тѣми типами, которые нашли свое отраженіе въ этихъ произведеніяхъ. Впечатлѣніе, произведенное на англичанъ этими типами, оказавшимися для нихъ совершенно новыми, было поистинѣ поразительно. Одинъ критикъ заявилъ, что его давитъ, какъ кошмаръ, разсказъ «Моя жизнь». Другой выразился еще сильнѣе: «Если люди дѣйствительно таковы, какими ихъ изображаетъ русскій художникъ, то лучше ужъ стать обезьянами и разбѣжаться по лѣсамъ». И всѣ они набросились на Чехова, именно, какъ на отражателя русской жизни, ея нужды, печали, страданій, господствующихъ въ ней типовъ. И, несомнѣнно, знакомство съ Чеховымъ и его героями объяснитъ иностранцамъ многое въ нашей жизни, что было для нихъ до сихъ поръ непонятно, что нерѣдко ставило ихъ втупикъ. Переведенный полностью на какой нибудь иностранный языкъ, Чеховъ дастъ возможность иностранцамъ изучить нашу жизнь во всѣхъ ея важнѣйшихъ проявленіяхъ, представить се себѣ въ деталяхъ съ такою точностью и наглядностью, съ какими не въ состояніи представить этой жизни ни многочисленныя статистическія изданія, ни многотомныя научныя изслѣдованія.

Поразительная многочисленность и разнообразіе чеховскихъ типовъ объясняются, помимо его выдающейся способности къ точному, научному наблюденію, также и его поразительнымъ изобразительнымъ талантомъ. Такого умѣнья очертить типъ двумя-тремя черточками, сдѣланными какъ бы мимоходомъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляющими этотъ типъ передъ читателемъ во весь ростъ, словно онъ

стоитъ передъ нашими глазами живымъ, положительно не было еще ни у одного изъ нашихъ писателей. Въ этомъ отношеніи можно поставить рядомъ съ Чеховымъ и изъ иностранныхъ писателей развѣ только одного Мопассана, съ которымъ у Чехова было немало чертъ сходства и въ другіхъ отношеніяхъ. Возьмите любой изъ самыхъ маленькихъ разсказовъ Чехова, и вы поразитесь указаннымъ умѣньемъ его представить читателю живьемъ изображаемые имъ персонажи. Художникъ только провелъ двѣ-три черточки, а уже передъ читателемъ вырастаютъ во весь ростъ знакомыя фигуры. Вотъ, напр., разсказъ «Въ судѣ» (въ 4-мъ томикѣ изданія Маркса). Повидимому, разсказъ написанъ всего менѣе съ цѣлью нарисовать типы изъ судебного міра. Задача художника—совсѣмъ иная. Разсказъ случаетъ, когда передъ судомъ предсталъ крестьянинъ, конвоируемый его собственнымъ сыномъ, взятымъ на военную службу. Когда родственныя отношенія подсудимаго и конвоира выясняются передъ составомъ суда и публикой, всѣхъ невольно охватываетъ ужасъ при мысли о возможности побѣга со стороны подсудимаго и о необходимости для его сына стрѣлять въ такомъ случаѣ въ отца. Этотъ трагизмъ положенія, въ которое порою неожиданно ставятъ людей жизнь съ ея запутанными отношеніями, дѣйствуетъ на читателя самымъ подавляющимъ образомъ, и разсказа нельзя читать, не испытывая ощущенія, которое опредѣляется выраженіемъ: «морозъ подираетъ по кожѣ». Сосредоточивъ свое вниманіе именно на ужасѣ описываемаго «пустого случая», художникъ, казалось бы, могъ совершенно не заботиться о типичности изображаемыхъ имъ лицъ. Въ самомъ дѣлѣ, не все ли равно,—будетъ ли вѣрно изображенъ ходъ судебного засѣданія, точно ли отвѣчаютъ дѣйствительности лица прокурора, членовъ суда, подсудимаго? Дѣло вѣдь, казалось бы, совсѣмъ не въ томъ, а именно въ трагизмъ положенія, который останется налицо, хотя бы вмѣсто живыхъ, реальныхъ русскихъ современныхъ судебъ были изображены какіе-нибудь фан-

таскескіе, оперные. Но въ томъ то и заключается сила художника, что онъ понимаетъ и чувствуетъ, что для достиженія возможно большаго впечатлѣнія отъ изображаемаго необходимо, чтобы ни одна деталь не казалась читателю не настоящею, что чѣмъ ближе къ истинѣ, къ дѣйствительности, чѣмъ реальнѣе всѣ изображенные фигуры, тѣмъ сильнѣе, рѣзче, болѣзненнѣе будетъ то впечатлѣніе, какое онъ хотѣлъ произвести на читателя. И вотъ художникъ мастерскими немногими штрихами обрисовываетъ передъ нами съ поразительною точностью типичнѣйшія фигуры секретаря, председателя, прокурора, защитника, которые такъ хорошо знакомы всѣмъ, кто имѣлъ дѣло съ нашими судами. Положительно прямо видишь передъ собою эти фигуры. И достигается этотъ результатъ съ такими, казалось бы, незначительными средствами, что невольно чувствуешь удивленіе къ искусству художника.

Узкогрудый, блѣднолицый секретарь, сильно похудѣвшій для своего мундира, и съ пластыремъ на шекѣ, читалъ негромкимъ басомъ, быстро, по-дѣячковски, не повышая и не понижая голоса, какъ бы боясь нагрузить свою грудь; ему вторила вентиляція, неугомонно жужжавшая за судебскимъ столомъ, и въ общемъ получался звукъ, придававшій залу тишинѣ усыпляющій, наркотическій характеръ».

И больше о секретарѣ—ни слова. Тѣмъ не менѣе, развѣ вы не видите, какъ живого, этого несчастнаго секретаря въѣздныхъ сессій,—вѣчнаго секретаря или его помощника, обремененнаго на всю жизнь прозябать въ канцелярскихъ чинахъ, которому очертъла его постылая должность, которому совершенно безразлично все окружающее его въ засѣданіяхъ, какое бы важное значеніе для другого (подсудимаго) оно ни имѣло, и который съ одинаковымъ безразліемъ составлялъ «протоколъ» судебного засѣданія,—кончится ли это засѣданіе тѣмъ, что его «ближняго» выпустятъ на свободу, или присудятъ къ двадцати годамъ каторги. Развѣ для этого, замореннаго на канцелярской работѣ, человѣка не въ тысячу разъ важнѣе вопроса о судьбѣ этого «ближняго» вопросъ о ятйрблевоу прибавкѣ къ

содержанію?

А вотъ передъ нами весь какъ на ладони председатель, которому посвящено также всего нѣсколько строкъ: «Председатель, не старый человекъ, съ до крайности утомленнымъ лицомъ и близорукой, сидѣлъ въ своемъ креслѣ, не шевелясь и держа ладони около лба, какъ бы закрывая глаза отъ солнца. Подъ жужжаніе вентиляціи и секретаря онъ о чемъ то думалъ. Когда секретарь сдѣлалъ маленькую передышку, чтобы начать съ новой страницей, онъ вдругъ встрепенулся и оглядѣлъ посоловѣлыми глазами публику, потомъ нагнулся къ уху своего сосѣда—члена и спросилъ со вздохомъ:—Вы, Матѣй Петровичъ, остановились у Демьянова?»

—Да-съ, у Демьянова,—отвѣтилъ членъ, тоже встрепенувшись.

—Въ слѣдующій разъ, вѣроятно, и я у него остановлюсь. Помните, у Тиллякова совсѣмъ нельзя останавливаться! Шумъ! гвалтъ всю ночь! Стучать, кашляють, дѣтшки плачуть... Невозможно!».

И опять больше ни слова о председателѣ. И, тѣмъ не менѣе, передъ читателемъ вырисовывается, словно живая, эта фигура «председателя-статуэтки», которому надобѣло до чертиковъ всѣ эти «дѣла» объ убійствахъ, грабежахъ, кражахъ, и который равнодушно пропускаетъ мимо ушей всѣ «обстоятельства дѣла», могущія имѣть роковое значеніе для подсудимаго, озабоченный въ это время несравненно болѣе важнымъ вопросомъ о томъ, какъ обезпечить себѣ отдыхъ послѣ утомительнаго судебного засѣданія.

Еще одна фигура—защитника:

«Защитникъ поднялъ по столу тулупъ концомъ карандаша и, склонивъ голову на бокъ, думалъ. Его молодое лицо не выражало ничего, кромѣ неподвижной, холодной скуки, какая бывала на лицахъ школьничковъ и людей служащихъ, изо дня въ день обязанныхъ сидѣть на одномъ и томъ же мѣстѣ, видѣть всѣ тѣ же лица, тѣ же стѣны. Предстоящая рѣчь его нисколько не волновала. Да и что такое эта рѣчь? По приказанію начальства, по давно заведенному шаблону, чувствуя, что она безцѣльна и скучна, безъ страсти и огня, выпалить онъ ее передъ присяжными, а тамъ дальше—скакать по гради и подѣ дождей на станцію, оттуда въ городъ, чтобы скорѣе получить приказъ опять ѣхать куда нибудь въ уѣздъ, читать новую рѣчь... скучно!».

Эту характеристику «защитника-вѣздныхъ сессій», вѣчнаго кандидата на судебныя должности, художникъ дополняетъ слѣдующимъ эпизодомъ:

«Защитникъ неожиданно зашелся на

откашливаясь, спросилъ:

— Скажите, докторъ, по разбѣрамъ раны можно ли бываетъ судить о душевномъ состояніи преступника? То есть, я хочу спросить, разбѣръ поврежденія даетъ ли право думать, что подсудимый находился въ состояніи аффекта?»

— Пожалуй,—замѣтилъ врачъ,—если принимать въ расчетъ силу, съ какою... э-э-э... преступникъ наноситъ ударъ... Впрочемъ, извините... я не совсѣмъ помялъ вашъ вопросъ.

Защитникъ не получилъ отвѣта на свой вопросъ, да и не чувствовалъ въ немъ надобности. Для него самого ясно было, что этотъ вопросъ забрѣлъ въ его голову и сорвался съ языка только подъ вліяніемъ тишины, скуки, жужжащей вентиляціи».

Съ такимъ же мастерствомъ очерчены товарищъ прокурора, занятый во время разбирательства дѣла объ убійствѣ чтеніемъ байроновскаго «Кайна», и экспертъ врачъ, дававшій свое «заключеніе» въ предѣлахъ воспоминаній о томъ, что онъ же въ свое время занесъ въ протоколъ вскрытія трупа убитой женщины и т. д. Всѣмъ этимъ лицамъ посвящено художникомъ всего по нѣскольку строкъ, каждый типъ обрисованъ только нѣсколькими черточками, и, однако, всѣ они передъ читателемъ выступаютъ, какъ живые. И председатель, и членъ суда, и обвинитель-прокуроръ, и защитникъ, кандидатъ на судебныя должности, и экспертъ-врачъ, и судебный приставъ, и конвойный солдатъ, и лица изъ публики—всѣ взяты цѣликомъ изъ жизни, всѣ представляютъ обычнѣйшее, типичнѣйшее явленіе нашей обыденной дѣйствительности,—и благодаря этому, благодаря рельефности рисунка этихъ типовъ, рядомъ съ тѣмъ ужасомъ, который будто бы имѣлъ въ виду авторъ, разсказывая свой случай трагической близости арестанта-отца и конвоира-сына, читателя охватываетъ другой ужасъ—ужасъ положенія подсудимаго передъ каменно-равнодушными людьми, отъ которыхъ, однако, зависитъ вся его участь.

Надъ нимъ тяготѣло обвиненіе въ убійствѣ, а, между тѣмъ, онъ не встрѣтилъ здѣсь ни грозныхъ лицъ, ни неголующихъ взоровъ, ни громкихъ фразъ о возмездіи, ни участія къ своей необыкновенной судьбѣ, ни одной изъ судящихъ не остановилъ на немъ долгаго, любознательнаго взгляда. Пасмурныя окна, стѣны, голоса секретаря, поза прокурора—все это было пропитано канцеляр-

скимъ равнодушіемъ и дышало холодомъ, точно убійца составлялъ простую канцелярскую принадлежность, или судили его не живые люди, а какая то невидимая, Богъ знаетъ чѣмъ заведенная, машина».

Я остановился на разсказѣ «Въ судѣ» только какъ на примѣрѣ. Возьмите любой другой разсказъ Чехова, и результатъ будетъ тотъ же. На пространствахъ какихъ нибудь семидесяти страничекъ Чеховъ даетъ намъ цѣлый десятокъ точныхъ, правдивыхъ и рельефно очерченныхъ типовъ нашей дѣйствительности. И такое же обиліе типовъ даетъ всякое другое произведеніе Чехова. Всюду мы встрѣчаемся съ знакомыми фигурами, переполняющими нашу жизнь, и всѣ эти фигуры, смотрящія на насъ изъ произведений Чехова, рельефны, словно вычеканены изъ бронзы, и поразительно правдивы. И, въ концѣ концовъ, шестнадцать маленькихъ томиковъ оказываются представляющими собою что то въ родѣ музея, въ которомъ собраны всѣ типичнѣйшіе представители нашей жизни во всѣхъ ея важнѣйшихъ проявленіяхъ. Прогулываясь по маленькимъ заламъ этого музея, мы можемъ ознакомиться съ богатымъ разнообразіемъ типовъ нашей жизни, собранныхъ сюда многолѣтнею работою научно-подготовленнаго, внимательнаго наблюдателя и изслѣдователя нашей жизни, являющагося въ то же время талантливымъ изобразителемъ ея особенностей. Въ этомъ смыслѣ сочиненія Чехова прямо безцѣнны. Они даютъ намъ возможность изучить русскую дѣйствительность съ такою полнотою, какой, обыкновенному зрителю, обыкновенному участнику русской жизни это совершенно недоступно, какъ много бы онъ ни наблюдалъ, какъ бы долго и близко онъ ни соприкасался съ этою жизнью. И въ указанномъ отношеніи сочиненія Чехова явятся драгоценнымъ источникомъ и для будущаго историка нашего времени, который найдетъ здѣсь богатѣйшій матеріалъ для ознакомленія съ тѣмъ, чѣмъ и какъ жили люди въ данную эпоху. Въ какія формы выливалась эта жизнь и какіе общественные типы придавали ей преобладающую окраску.

Н. Абрамовъ.